

О.К. Шевченко

ФУНКЦИОНАЛ ОБЫЧНОГО ПРАВА В СОЗИДАНИИ АРХИТЕКТУРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В XXI в.

Анализируются нюансы теории и практики правоприменения норм международного обычного права в процедурах созидания системы международной безопасности. Автор утверждает, что к середине XXI в. глобальная безопасность и ее архитектоника будут зависеть от международного правового обыкновения и международного обычая. Делается вывод, что уже сейчас видны элементы и связи между ними, которые в перспективе сложатся в устойчивую систему «по ту сторону договорного права» в праве международной безопасности.

Ключевые слова: международно-правовой обычай; международно-правовое обыкновение; международная безопасность; глобальная угроза; COVID-19.

«Обычай – это “память нации” – утверждает французский теоретик права. Он, обычай, удерживается до тех пор, пока существует консенсус. Причем и память, и консенсус есть следствие глубокой историчности права вообще, а не его модальность в формате правового обычая [1. С. 200–204]. Но как возможно определить функционал правового обычая, ориентируясь в международном праве на то, что он в своей основе является соответствующим способом оформленной памятью нации и результатом социального консенсуса? Необходимо ли рассуждать о правовом обычае как о некоем результате «совокупной памяти многих наций»? Или как о признании одной «памяти нации», играющей решающую роль для всех остальных наций? Или речь все-таки должна вестись об очень ограниченном фрагменте наций, свидетельствующем о позитивных решениях возникающих проблем в международных отношениях?

На первый взгляд, вопросы кажутся довольно банальными, если не дилетантскими. Но только на первый взгляд. Особых трудностей определение формата, структуры и содержания обычного права в рамках национальных систем в теоретическом плане не вызывает и является довольно распространенной темой в отечественных исследованиях [2. С. 96–99; 3. С. 16–17]. Однако до сих пор нет определения, дефиниции и конвенционального согласия в теории международного права о том, что считать международным обычаем. В этой связи ученые-юристы вынуждены проводить тщательный анализ и давать различные интерпретации решений международного суда и его комментариев по тому или иному локальному вопросу международной юридической практики. Об этом активно пишут как в зарубежных [4. С. 26–28; 5. Р. 72–76], так и в отечественных исследованиях [6. С. 113–122; 7. С. 88–90; 8. С. 369]. Ситуация зашла настолько далеко, что появилось мощное течение, которое снимает проблему путем утверждения об однопорядковости понятий «обычай» и «обыкновение» [9. С. 139], а в перспективе вероятно и слияние с ними термина «прецедент». В наиболее оригинальной форме указанные тенденции оформились в предложения о радикальной реформе международно-правовой системы. Речь идет о жесткой регламентации и кодификации правового обычая в формат института права международного обычая [10. С. 108–110]. И связано это с

уникальной юридической природой правового обычая, сутью которого, как это точно отметили французские исследователи, является национальная память и общественный консенсус (ибо в основе генезиса международно-правового обычая в начале его оформления в правовую норму лежит именно социальный обычай [11. С. 90] – единственное, что не вызывает споров у исследователей).

Конститутивной чертой проблемы является темпоральная характеристика («постепенность», «поэтапность», «устойчивая практика», или «duration, consistency, repetition») правового обычая [4. С. 28; 5. Р. 76; 7. С. 88], именно она имеет решающую роль в определении того или иного правового явления как прецедента, обыкновения (usage) или именно обычая (custom) [9. С. 141–145]. Должно пройти определенное, достаточно большое время, дабы индивидуальные прецеденты, определенная практика, ориентир на обыкновения стали правовым обычаем – 40 лет, несколько поколений, или определенная дата, как, например, в Великобритании [12. С. 36–38]. Однако в международном праве нет жесткого временного элемента [5. С. 76]. И если для традиционного вида обычной нормы темпоральность все еще весьма значительна, то для второго вида обычных норм, «создаваемых не длительной практикой, а признанием в качестве таковых правил, содержащихся в том или ином акте» [6. С. 113], она не является решающим фактором. В разработках теоретиков международного права это нашло выражение в появлении понятия «быстрые обычаи» [11. С. 92], наиболее ярко проявившие себя в космическом международном праве, в котором до сих пор выработано определение «космическое пространство» и «космическая деятельность» [7. С. 881]. Но, тем не менее, быстро оформилась правовая регуляция освоения космического пространства и космической деятельности (впрочем, в связи с последним решением Д. Трампа относительно освоения Луны в очередной раз проявились недостатки правоприменимости правовых обычаев [13]). Таким образом, память и социальный консенсус как хребет обычного права в формате международного обычного права исчезают. Их начинает подменять практика государственных действий и признание остальными участниками международного процесса этой практики приемлемой либо в формате позитивного решения

(резолуции, меморандума и т.д.), либо посредством молчания, трактуемого как согласие. Это соответствует преамбуле Устава ООН [14], отвечает духу и букве 38-й статьи Международного Суда ООН, в которой определяются параметры международного обычая [15], и, наконец, совпадает с пониманием обычая как такой нормы, которая отражает объективные реалии, а не сложившиеся отношения с прицелом на будущие потребности субъектов международного права [10]. По сути, об этом же говорит экспертное сообщество: «термин “международное обычное право” означает те нормы международного права, которые вытекают из всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы, и отражают ее» [16. С. 8]; «Практика, часто называемая «материальным» или «объективным» элементом, играет «принципиально важную роль» в формировании и выявлении международного обычного права. Ее можно рассматривать как «сырой материал» международного обычного права, поскольку последнее возникает из практики, которая «и определяет, и ограничивает его»... Такая практика состоит из «материальных и очевидных» деяний субъектов международного права, и именно эти «эпизоды поведения» могут образовывать «прецедентную ткань», в которой можно разглядеть поведенческую модель» [16. С. 17]; «как элемент международного обычного права – в отношении наличия всеобщей практики означает, что в первую очередь именно практика государств способствует созданию или выражению норм международного обычного права... Практика государств состоит из присваиваемого государству поведения, будь то при осуществлении исполнительной, законодательной, судебной или любой другой функции» [16. С. 21]. Эти идеи легли в основание дальнейшего развития понимания обычного международного права [17]. В настоящий момент обозначенные выводы, видимо, стали очевидными и поэтому не получили «своей» главы в очередном Докладе Комиссии. С другой стороны именно они стали отправной точкой для развития дискуссии, связанной с императивной стороной норм общего международного права в формулировке: «Нормы обычного международного права, противоречащие императивной норме общего международного права (*jus cogens*)» [18].

Таким образом, в понятии международно-правового обычая исключается второй становой элемент обычного права – социальный консенсус, понятия «общество», «народ», «нация», и на их место воздвигается понятие «государство» со всеми вытекающими процессуальными моментами и практическими выводами. Именно данный факт является решающим при обращении к теме глобальной безопасности и ее архитектуре в XXI в.

Что же такое безопасность? Если посмотреть на проблему миропорядка с позиций миросистемности [19. С. 55], то станет очевидным, что в современном мире термин «безопасность» выступает как системообразующее понятие для многочисленных сфер жизнедеятельности человека и общества в области международных отношений, начиная от актуализовавшийся в 2020 г. проблемы здравоохранения (пандемия Covid-19 [20]) до классической, такой как терроризм

[21. С. 143–147]. В собственно международном модуле юриспруденции проблема определения понятия «безопасность» носит обостренно дискуссионный характер, а в настоящий момент идет спор между сторонниками школы неореализма (Э. Кар, Г. Моргентау, М. Каплан, У. Уолфот), институционализма (Дж. Най, Ф. Закария) и конструктивизма (А. Вендт, Н. Онуф) [22. С. 46]. Правоприменительная же практика ориентируется на ряд положений, закрепленных в Уставе ООН, Статуте Международного суда и других **правовых** актах. Особая роль отводится разъяснениям и заявлениям структур ООН, в частности заявлению Совета Безопасности ООН от 31 января 1991 г. [23]. Однако правы те исследователи, которые предупреждают о недопустимости перенесения акцента «в деятельности органов по обеспечению безопасности с объектов безопасности на признаки безопасности» [24. С. 271]. А при широких интерпретациях довольно размытых формулировок в существующих актах ООН именно эта аберрация велика как никогда.

Безусловно, термин «безопасность» занимает одну из ведущих понятийно-образующих ролей как при создании того или иного нормативного акта, так и в рамках рефлексии этих актов юридической наукой. В ряде областей проблема безопасности является ведущей и подчиняющей себе все остальные вопросы. С нашей точки зрения, сфера международного права как раз относится к таким областям. Очевидно, правы те авторы, которые считают, что безопасность – это «состояние защищенности от возможного нанесения ущерба, способность к сдерживанию или парированию опасных воздействий, а также к быстрой компенсации нанесенного ущерба. Безопасность означает сохранение системой стабильности, устойчивости и возможности саморазвития» [25. С. 7]. Обратим внимание, что решающим понятием во всех определениях является концепт «**состояние** защищенности», а значит, речь идет о чем-то постоянном, регулярном, имеющем характер системы, направленной на обеспечение этого состояния. Собственно, именно в русле общемировых трендов и современных теоретических представлений было сформировано определение национальной безопасности в отечественном правовом поле. Об этом же идет речь и у ведущих юристов коллективного Запада [22. С. 47–53]. Разница лишь в технологиях достижения этой цели и организации, которая бы конституировала безопасность, обеспечивала механизмы ее поддержания [26. С. 243–247 и пр.].

Вероятно, следует также согласиться с точкой зрения, согласно которой международное договорное право ориентировано не столько на реальные объективные условия, требующие незамедлительной реакции международного сообщества, сколько на определенные отношения между странами, военно-политическими и экономическими блоками [10. С. 106]. Обычное право фиксирует *status quo* и нацелено на решение «горячих» угроз глобальной безопасности, требующих разрешения «*hic et nunc*» (лат. «здесь и сейчас»), тогда как договорное право создается на перспективу, с учетом доминирования и приоритетности той или иной страны, той или иной позиции в будущем, на том, что З. Бжезинский обозначил как

«Великая шахматная доска» [27]. Безусловно, что эта перспектива в самых общих чертах всеми участниками международных отношений понимается как «создание нового мирового порядка, в основу которого ляжет идея единства человечества» [28. С. 468]. Но вот формат контроля над этим человечеством, специфика координации действий этого пока еще гипотетического будущего «единого человечества», наконец, стандарты «порядка» понимаются и манифестируются очень по-разному [29. С. 430–467].

О роли правового обычая в архитектонике глобальной безопасности на современном этапе как осознанном теоретическом процессе, конечно, говорить не приходится. Мы вполне согласны с тем мнением, что для чего крайне важно запустить процесс кодификации обычного нормообразования, для этого предпринимаются серьезные шаги, которые могут привести к созданию «конвенции о праве международных обычаев» [10. С. 108]. Однако уже сейчас мы можем проследить эффективность международно-правовых обычаев как работающих механизмов обеспечения **отдельных элементов международной безопасности в кризисных ситуациях**. Конечно, речь не идет об анализе системности таких явлений. Для этого необходимо осуществить как минимум монографическое или диссертационное исследование. Но выявить эффективность правоприменения международно-правового обычая в решении актуальной проблемы мы вполне в состоянии. В качестве практического примера возьмем наиболее резонансное событие в международных отношениях начала 2020 г. – пандемию COVID-19.

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила заболевание COVID-19 пандемией, в частности был отмечен глобальный характер угрозы: «Все страны должны стремиться к оптимальному балансу между интересами охраны здоровья населения, необходимостью снизить негативное воздействие эпидемии на экономику и общество, а также интересами защиты прав граждан. В соответствии со своим уставом ВОЗ занимается вопросами общественного здравоохранения. Однако мы также ведем работу со множеством партнеров во всех секторах в интересах смягчения социально-экономических последствий пандемии. Нынешний кризис – не только кризис в сфере здравоохранения, он коснется каждого сектора, поэтому в борьбе с пандемией должны участвовать каждый сектор и каждый человек» [20].

2 апреля была принята Резолюция 74/270 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 апреля 2020 г., посвященная борьбе с пандемией. Мы остановимся на ней более подробно в силу нескольких причин. Во-первых, это единственный документ подобного уровня, принятый в рамках борьбы с угрозой международной безопасности по комплексной проблеме: «Жизнь, здоровье и права человека в условиях пандемии». Во-вторых, документ является итогом борьбы разных точек зрения на поднятые нами вопросы и позволяет проследить эффективность международно-правового обычая в сфере международной безопасности в части, касающейся борьбы с пандемиями.

В этом документе Генеральная Ассамблея, помимо всего прочего, «подтверждает свою приверженность международному сотрудничеству и многосторонней деятельности и свою решительную поддержку центральной роли системы Организации Объединенных Наций в глобальной борьбе с пандемией коронавирусного заболевания 2019 года (COVID-19)» и «призывает активизировать международное сотрудничество, с тем чтобы сдержать пандемию, смягчить ее последствия и одержать победу над ней, в том числе путем обмена информацией, научными знаниями и передовым опытом, а также на основе применения соответствующих руководящих принципов, рекомендованных Всемирной организацией здравоохранения» [30. С. 2]. Примечателен факт полного игнорирования во всем тексте резолюции любого упоминания договорного права и, с нашей точки зрения, массирования косвенного упоминания исключительно обычного права. Так постоянное представительство России при ООН предлагало зафиксировать подтверждение нормы Устава ООН о «сотрудничестве государств», предложение было отклонено. Вместо этого в резолюции была использована формула «стремления к сотрудничеству», «активизации международного сотрудничества». То есть формулировка России, обозначающая состояние сотрудничества, была заменена на формулировку стремления к **обретению** такого состояния, которого, исходя из принятого документа, еще нет, но которое может быть. Более того, формулировка, предложенная Россией, подтверждала договорную норму Устава ООН, а принятая резолюция сформулирована так, что оставляет за государством право либо следовать обычной норме, либо отказаться от ее поддержки. Также вместо предлагаемого Россией наделяния ВОЗ функцией координатора в борьбе с пандемией была принята формула «признания важнейшей роли, которую играет Всемирная организация здравоохранения...».

Также в связи с угрозой глобальному порядку РФ совместно с 28 странами предложила зафиксировать в резолюции «отказ от торговых войн и применения принятых в обход Совета Безопасности ООН односторонних санкций, чтобы обеспечить срочный доступ к продовольствию и медикаментам, а также противодействие финансовым спекуляциям с товарами первой необходимости». Представители РФ также важными посчитали «положения о недопустимости стигматизации государств, народов и физических лиц в связи с пандемией и о необходимости распространения достоверной и научно обоснованной информации о ней» [31]. Вместо этого в резолюции осталась рекомендация к обмену «информацией, научными знаниями и передовым опытом», а также приветствуется «принятие мер по смягчению социальных последствий и мер экономического реагирования». Очевидно, что Россия предлагала взять странам на себя определенные обязательства для борьбы с COVID-19, а принятая резолюция лишь рекомендовала и приветствовала шаги, которые **могли привести** к таковым обязательствам государств-подписантов.

Из всего вышесказанного следует, что попытки России вместе с 28 государствами принять Резолюцию, которая бы формировала и закрепляла конкретные шаги государства по борьбе с пандемией и несла бы в себе основания необходимости дальнейших шагов в области международного права, провалились. Была принята резолюция, направленная на всемирное поощрение и следование праву международных обычаев. Россия публично, в рамках обычного права указала несогласие с рядом положений резолюции, оставив за собой право их национального толкования. Более того, развивая и соглашаясь действовать в рамках предложенных «правил игры», РФ обозначила свои дальнейшие действия исключительно в формате обычного права: «Мы были бы очень заинтересованы в том, чтобы услышать и увидеть в письменной форме логику и аргументы блокирования нашего проекта Декларации со стороны ЕС, США и Великобритании... Несмотря на то что предложенная Россией Декларация была заблокирована небольшой группой государств, мы продолжим координацию с единомышленниками по этому вопросу. Рассчитываем, что все заинтересованные страны присоединятся к ней, чтобы мир услышал призыв к развитию практического сотрудничества по всем направлениям в борьбе с пандемией» [31].

Целый ряд действий России и ее «единомышленников» за пределами международного договорного права в рамках взаимопомощи в условиях пандемии создают в момент написания настоящей статьи не только серию прецедентов, но и формируют обыкновение, которое охватывает страны Ближнего, Среднего и Дальнего Востока, Южную и Юго-Восточную Азию, Западную Европу, Южную Америку. Осуществляется создание системы быстрого гуманитарного и медицинского реагирования ряда стран между собой в деле борьбы с пандемией. Иными словами, выстраивается существенный элемент архитектуры глобальной безопасности на основе обычного права. Инициатива 29 государств в нормативном закреплении правового обыкновения в борьбе с пандемией на сессии Генеральной Ассамблеи ООН говорит именно об этом. А принятие довольно невнятной резолюции с отсылкой к общим моментам обычного права лишь подтверждает тот факт, что в современном мире глобальная безопасность и ее архитектура зависят не столько от норм договорного права, сколько от практики правового обыкновения и ее венца – международного обычая, который утверждается вопреки складывающимся международным отношениям и нацелен на реальное решение глобальных угроз.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергель Ж.-Л. Общая теория права. М. : Издательский дом NOTA BENE, 2000. 576 с.
2. Кича М.В. Обычай как форма права: актуальные проблемы сущностной характеристики // Философия права. 2013. № 1. С. 96–100.
3. Печников А.П. Юридическая природа правового обычая // Юридические исследования. 2013. № 3. С. 16–19.
4. Броунли Я. Международное право : в 2 кн. М. : Прогресс, 1977. Кн. 1. 528 с.
5. Shaw M.N. International law. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 1542 p.
6. Международное право : учеб. / отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М. : Норма; Инфра-М, 2010. 720 с.
7. Международное право : учеб. / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М. : Юрайт, 2009. 1012 с.
8. Ромашев Ю.С. Системообразующая роль права международных обычаев // Актуальные проблемы современного международного права : материалы междунар. конгресса, Москва, 22 апреля 2017 г. : в 3 ч. / под общ. ред. А. Абашидзе. М., 2018. Ч. 1. С. 369–378.
9. Черняк Л.Ю. К вопросу о соотношении понятий «обычай» и «обыкновение» в теории международного права // Сибирский юридический вестник. 2014. № 4. С. 139–146.
10. Ромашев Ю.С. Право международных обычаев в системе международного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 103–112.
11. Тирских М.Г., Черняк Л.Ю. Международно-правовой обычай: понятие и признаки // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 89–97.
12. Фетищев Д. Становление прецедентного права в англосаксонской правовой системе // Российский следователь. 2007. № 24. С. 36–38.
13. Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources. 2020. April 6. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (дата обращения: 15.04.2020).
14. Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945. URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 15.04.2020).
15. Статут Международного суда ООН от 26 июня 1945 г. URL: <http://www.un.org/ru/ictj/statut.shtml> (дата обращения: 15.04.2020).
16. Выявление международного обычного права. Второй доклад Специального докладчика Майкла Вуда. Doc. A/CN.4/672 22 мая 2014 г. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/672> (дата обращения: 15.04.2020).
17. Доклад Комиссии международного права. Семидесятая сессия (30 апреля – 1 июня и 2 июля – 10 августа 2018 года). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят третья сессия. Дополнение № 10 (A/73/10) Глава V. URL: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F73%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (дата обращения: 15.04.2020).
18. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 года). Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Семьдесят четвертая сессия. Дополнение № 10 (A/74/10). Глава V. Часть III. Вывод XIV. URL: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F74%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (дата обращения: 15.04.2020).
19. Зуйков Р. Миростемность: критерии и трансформация // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 55–61.
20. Вступительное слово Генерального директора на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 г. // Сайт всемирной организации здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (дата обращения: 15.04.2020).
21. Чернядьева Н.А. Институциональный механизм противодействия терроризму системы ООН // Безопасность личности, государства и общества: вызовы и перспективы : материалы Первого междунар. симпозиума, Пермь, 11–12 октября 2016 г. / отв. ред. М. Лосавио, П.С. Пастухов и др. Пермь, 2017. С. 143–147.
22. Хлопов О.А. Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2019. № 1. С. 45–57.
23. Заявление Председателя Совета Безопасности. S/23500. 31 Января 1992. URL: <http://www.un.org/en/documents/> (дата обращения: 15.04.2020).
24. Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Алимова А.А. Безопасность государства и Мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке. Челябинск : Цицеро, 2015. 301 с.
25. Рогозин Д.А. Война и мир в терминах и определениях. Военно-технический словарь. М. : Вече, 2016. 270 с.

26. Радиков И.В. Архитектура безопасности в системе международных отношений: эволюция и перспективы обновления // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6, № 4. С. 229–248.
27. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы. М. : АСТ, 2017. 256 с.
28. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М. : Волтерс Клувер, 2005. 517 с.
29. Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : АСТ, 2017. 512 с.
30. Резолюция 74/270 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 апреля 2020 года. Doc. A/RES/74/270. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/270>
31. Комментарий для СМИ в связи с рассмотрением Генассамблеей ООН Декларации о солидарности в борьбе с пандемией коронавируса от 2 апреля 2020 г. // Сайт Постоянного представительства Российской Федерации при ООН. URL: https://russiaun.ru/news/pressrelease_020420 (дата обращения: 15.04.2020).

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 ноября 2020 г.

The Role of Customary Law Functions in the Creation of Global Security Architecture in the 21st Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 467, 251–256.

DOI: 10.17223/15617793/467/31

Oleg K. Shevchenko, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: skilur80@mail.ru

Keywords: international legal custom; international legal habit; international security; global threat; COVID-19.

The article examines the peculiarities of the theory and practice of international customary law enforcement in the procedures of creating the international security system. In the first part of the article, the author carefully examines the research terminology of the legal problem paying special attention to the temporal component of the key terms: “custom” and “habit”. He formulates the theoretical paradoxes associated with the definition of the customary law’s attributes as theoretical constructs and the experience of their application in the international conflict of laws. The main paradox is the international legal declassification of social consensus (the key element of customary law) and the concepts “society”, “people” and “nation”, along with the consistent replacement of all of the above-mentioned elements of the concept “state” with all the ensuing procedural aspects and practical conclusions. The main element of the sources of the study is a series of the UN International Law Commission’s reports. The author considers the terminological contradictions associated with the mismatch of the theoretical constructs “International Security” and “International Law” to be the key problem. In the context of the contract law’s destabilization, the author states the absence of a conscious theoretical process of defining the role of custom in the architectonics of the global security nowadays. In the second part of the article, the above-mentioned theoretical postulates are exemplified on the specific law enforcement practice in the field of human life safety and a sustainable health care system within the framework of collisions foregrounded in connection with the coronavirus pandemic. The author argues that, by the middle of the 21st century, global security and its architectonics will depend on international legal practice and international custom. However, nowadays it is too early to discuss the systematic nature of this phenomenon. Now the elements and connections between them are evident, and in the future they will form a stable system “beyond the contract law” within the law of international security. By way of example, the author analyzes a number of actions taken by Russia and its “associates” beyond the international contract law in the framework of mutual assistance in the pandemic context. According to the author, these actions currently create not only a series of precedents, but also form a habit spreading over the countries of the Near, Middle, and Far East, South and Southeast Asia, Western Europe, and South America. A system of mutual rapid relief and medical assistance is being created in a number of countries to fight against the pandemic.

REFERENCES

1. Bergel, J.-L. (2000) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Translated from French. Moscow: Izdatel'skiy dom NOTA BENE.
2. Kicha, M.V. (2013) Obychay kak forma prava: aktual'nye problemy sushchnostnoy kharakteristiki [Custom as a form of law: topical issues of essential characteristics]. *Filosofiya prava*. 1. pp. 96–100.
3. Pechnikov, A.P. (2013) Yuridicheskaya priroda pravovogo obyachaya [The legal nature of legal custom]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 3. pp. 16–19.
4. Brownlie, I. (1977) *Mezhdunarodnoe pravo v 2-kh kn.* [International law in 2 books]. Book 1. Moscow: Progress.
5. Shaw, M.N. (2008) *International law*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Kuznetsov, V.I. & Tuzmukhamedov, B.R. (eds) (2010) *Mezhdunarodnoe pravo: ucheb.* [International law: textbook]. Moscow: Norma; Infra-M.
7. Vylegzhanin, A.N. (ed.) (2009) *Mezhdunarodnoe pravo: ucheb.* [International law: textbook]. Moscow: Yurayt.
8. Romashev, Yu.S. (2018) [The system-forming role of the law of international customs]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava* [Topical issues of modern international law]. Proceedings of the International Congress. Moscow. 22 April. In 3 parts. Part 1. Moscow: MGIMO-University. pp. 369–378. (In Russian).
9. Chernyak, L.Yu. (2014) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy “obyachay” i “obyknovenie” v teorii mezhdunarodnogo prava [On the relationship between the concepts “custom” and “habit” in the theory of international law]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 4. pp. 139–146.
10. Romashev, Yu.S. (2016) The Law of International Customs in the International Law. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. 3. pp. 103–112. (In Russian).
11. Tirsikh, M.G. & Chernyak, L.Yu. (2014) Mezhdunarodno-pravovoy obyachay: ponyatie i priznaki [International legal custom: concept and features]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 2. pp. 89–97.
12. Fetishchev, D. (2007) Stanovlenie pretsedentnogo prava v anglosaksonskoy pravovoy sisteme [Formation of case law in the Anglo-Saxon legal system]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 24. pp. 36–38.
13. White House. (2020) *Executive Order on Encouraging International Support for the Recovery and Use of Space Resources*. April 6, 2020. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-encouraging-international-support-recovery-use-space-resources/> (Accessed: 15.04.2020).
14. UN. (1945) *Ustav Organizatsii Ob`edinennykh Natsiy ot 26 iyunya 1945* [UN Charter of 26 June 1945]. [Online] Available from: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (Accessed: 15.04.2020).
15. UN. (1945) *Statut Mezhdunarodnogo suda OON ot 26 iyunya 1945 g.* [Statute of the UN International Court of Justice of 26 June 1945]. [Online] Available from: <http://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (Accessed: 15.04.2020).
16. Wood, M. (2014) *Vyyavlenie mezhdunarodnogo obychnogo prava. Vtoroy doklad Spetsial'nogo dokladchika. Doc. A/CN.4/672 22 maya 2014 g.* [Second Report on Identification of Customary International Law. Doc. A/CN.4/672, 22 May 2014]. [Online] Available from: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.4/672> (Accessed: 15.04.2020).
17. UN. (2018) *Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. Semidesyataya sessiya (30 aprelya – 1 iyunya i 2 iyulya – 10 avgusta 2018 goda). General'naya Assambleya. Ofitsial'nye otcheti. Sem'desyat tret'ya sessiya. Dopolnenie № 10 (A/73/10) Glava V* [Law Commission. Seventieth session. (30 April – 1 June and 2 July – 10 August 2018). General Assembly. Official Records. Seventy-third Session. Supplement No. 10 (A/73/10).

- Chapter 5]. [Online] Available from: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F73%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (Accessed: 15.04.2020).
18. UN. (2019) *Doklad Komissii mezhdunarodnogo prava. Sem'desyat pervaya sessiya (29 aprelya – 7 iyunya i 8 iyulya – 9 avgusta 2019 goda). General'naya Assambleya. Ofitsial'nye otchety. Sem'desyat chetvertaya sessiya. Dopolnenie № 10 (A/74/10) Glava V. Chast' III. Vyvod XIV [Seventy-first session. (29 April–7 June and 8 July–9 August 2019). General Assembly. Official Records. Seventy-fourth Session. Supplement No. 10 (A/74/10). Chapter 5. Part 3. Conclusion 14].* [Online] Available from: <https://legal.un.org/docs/index.asp?symbol=A%2F74%2F10&referer=http://legal.un.org/cod/&Lang=R> (Accessed: 15.04.2020).
  19. Zuykov, R. (2009) Mirosystemnost': kriterii i transformatsiya [World system: criteria and transformation]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 8. pp. 55–61.
  20. WHO. (2020) *Vstupitel'noe slovo General'nogo direktora na press brifinge po COVID-19 11 marta 2020 g.* [Opening remarks by the Director-General at the press briefing on COVID-19 on March 11, 2020]. [Online] Available from: <https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020> (Accessed: 15.04.2020)
  21. Chernyad'eva, N.A. (2017) [Institutional mechanism of countering terrorism of the UN system]. *Bezopasnost' lichnosti, gosudarstva i obshchestva: vyzovy i perspektivy* [Security of the individual, state and society: challenges and prospects]. Proceedings of the First International Symposium. Perm. 11–12 October 2016. Perm: Perm State University. pp. 143–147. (In Russian).
  22. Khlopov, O.A. (2019) The System of International Security of the 21st Century: the Search for an Acceptable Theoretical Model. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie – RSUH/RGGU Bulletin Series "Political Science. History. International Relations"*. 1. pp. 45–57. (In Russian).
  23. UN. (1992) *Zayavlenie Predsedatelya Soveta Bezopasnosti. S/23500. 31 Yanvarya 1992* [Statement by the President of the Security Council. S/23500. January 31, 1992]. [Online] Available from: <http://www.un.org/en/documents/> (Accessed: 15.04.2020)
  24. Lyakhov, E.G., Lyakhov, D.E. & Alimova, A.A. (2015) *Bezopasnost' gosudarstva i Mirovogo soobshchestva: teoretiko-pravovaya formula obespecheniya v XXI veke* [Security of the State and the World Community: Theoretical and Legal Formula of Security in the 21st Century]. Chelyabinsk: Tsitsero.
  25. Rogozin, D.A. (2016) *Voyna i mir v terminakh i opredeleniyakh. Voенно-tekhnicheskiy slovar'* [War and peace in terms and definitions. Military-technical dictionary]. Moscow: Veche.
  26. Radikov, I.V. (2010) *Arkhitektura bezopasnosti v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: evolyutsiya i perspektivy obnovleniya* [Security Architecture in the System of International Relations: Evolution and Prospects for Renovation]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 6 (4). pp. 229–248.
  27. Brzezinski, Z. (2017) *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ee geostrategicheskie imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Translated from English. Moscow: AST.
  28. Lukashuk, I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Osobennaya chast'* [International law. The special part]. Moscow: Volters Kluver.
  29. Kissinger, H. (2017) *Mirovoy poryadok* [World order]. Translated from English. Moscow: AST.
  30. UN. (2020) *Rezolyutsiya 74/270 General'noy Assamblei OON ot 2 aprelya 2020 goda. Doc. A/RES/74/270* [UN General Assembly Resolution 74/270 of April 2, 2020. Doc. A/RES/74/270]. [Online] Available from: <https://undocs.org/ru/A/RES/74/270>
  31. RF Permanent Mission to the UN. (2020) *Kommentariy dlya SMI v svyazi s rassmotreniem Genassambleey OON Deklaratsii o solidarnosti v bor'be s pandemiy koronavirusa ot 2 aprelya 2020 g.* [Commentary for the media in connection with the consideration by the UN General Assembly of the Declaration on Solidarity in the fight against the coronavirus pandemic of April 2, 2020]. [Online] Available from: https://russiaun.ru/ru/news/pressrelease_020420 (Accessed: 15.04.2020).